

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ДРЕСС-КОД ДЛЯ РОССИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ НАЧАЛА XX В.

И.К. Кирьянов

Историко-политологический факультет
Пермский государственный университет
ул. Букирева, 15, Пермь, Россия, 614990

В статье на примере депутатского корпуса Государственной Думы рассматривается демократизация костюма политической элиты России в начале XX в. Одним из внешних символов публичной политики стал пиджак, вытеснявший традиционный мундир бюрократии.

Ключевые слова: Государственная Дума, Государственный Совет, политическая элита, публичный политик, парламентский статус, одежный код, мундир бюрократии.

27 апреля 1906 г. депутаты Государственной Думы и члены Государственного Совета были приглашены на торжественный прием в Зимний дворец, где с тронной речью к первым российским парламентариям обратился Николай II. Практически во всех воспоминаниях очевидцев этого события подчеркивался контраст между «блестящей толпой придворных» и думцами, «людьми весьма демократического вида». Впервые в стенах императорской резиденции можно было увидеть провинциальных адвокатов и докторов, одетых в сюртуки, крестьян в парадных кафтанах, рабочих в блузах, священников в рясах. Вольно или невольно, но переводимцы даже внешним своим видом демонстрировали то, что пока они были только «народными избранниками», но не членами корпорации законодателей.

До принятия Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» доминирующим в среде высшей бюрократии был взгляд на членов будущей Думы как на экспертов, призванных помочь императору оптимизировать его законодательную работу в условиях регионального разнообразия Российской империи, при этом депутатская деятельность рассматривалась как новый тип царской службы. В нормативных актах, принятых после Манифеста 17 октября, статус и функции депутатов законодательной Государственной Думы определялись по-новому. В частности, Манифестом 20 февраля 1906 г. «Об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» депутаты рассматривались уже в качестве народных представителей, посредством которых для подданных российского императора открывались «пути к участию... в делах законодательства» (1).

В новой версии депутатского статуса присутствовала определенная двойственность, в которой отразилась противоречивость политической системы дуалистической монархии. Будучи представителями народа в системе государственной власти, депутаты вместе с тем наделялись некоторыми атрибутами чиновничества, в частности, за преступления, связанные с деятельностью в качестве членов Государственной Думы или выборных членов Государственного Совета, они подлежали суду Верховного уголовного суда с санкции императора.

Одним из обязательных атрибутов принадлежности к государственной службе в Российской империи являлась форменная одежда. Достаточно вспомнить парад мундиров на знаменитой картине И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 г.». По замечанию В.Д. Набокова, в дни заседаний дореформенного Государственного Совета среди военных и придворных мундиров «человек в пиджаке показался бы какой-то неприличной и дикой аномалией» (2). И.И. Толстой, министр народного просвещения в октябре 1905 — апреле 1906 г., вспоминал о переживаниях престарелых сановников: «Да, недолго нам придется заседать так торжественно и так спокойно: в новом Государственном Совете будут, вероятно, сидеть в пиджаках и в поддевках и говорить друг с другом на ты или ругаться скверными словами» (3).

Для традиционной бюрократии появление во власти людей в пиджаках было одним из символов крушения старого порядка. Между тем в самом начале XX в. Николай II был вынужден санкционировать распространение «более приспособленных для работы в канцеляриях и для наружной службы... и более дешевых, двубортных сюртуков и укороченных пальто (тужурок)» (4). Начавшаяся же в 1905 г. демократизация политической системы, связанная с переходом от неограниченной монархии к дуалистической, отразилась и на дальнейшей демократизации внешнего облика тогдашней политической элиты. Тот же И.И. Толстой попал в неловкую ситуацию, когда в первый раз появился на заседании реформированного Совета министров. Не зная, в какой одежде следовало быть, он пришел в мундирном фраке, вызвав недоумение у председателя правительства С.Ю. Витте: «Чего это Вы так разрядились? Откуда Вы приехали?». Оказалось, что «все в заседаниях Совета носили черные сюртуки, а иногда даже черные и серые пиджаки, иначе говоря, одевались совсем по-домашнему» (5).

Форменная одежда не была введена не только для депутатов Государственной Думы и выборных членов Государственного Совета, но даже для думских чиновников. К.Н. Голицын вспоминал, что его отец после длительной службы в канцелярии Думы в 1916 г. получил назначение на должность директора Государственного и Петроградского Главного архивов Министерства иностранных дел. По этому случаю он должен был представляться императору в мундире, но оказалось, что такового у него не было (6). Только для приставов законодательных палат и их помощников 18 февраля 1907 г. были утверждены особые нагрудные знаки, которые должны были надеваться ими при исполнении служебных обязанностей (7).

В сложившейся ситуации парламентарии вынуждены были самостоятельно выбирать манеру одеваться. Речь, конечно, не шла о переходе к униформе, но своеобразный одежный код, приличествующий корпорации отечественных законода-

телей, подразумевался. Накануне 27 апреля 1906 г. члены Государственного Совета решили, что кроме первого собрания, будут заседать в «штатском платье», так как далеко не все из них имели мундиры. Кадеты-перводумцы решили прийти на императорский прием и на первое общее собрание в сюртуках, а не во фраках, что должно было подчеркнуть независимость рождавшегося парламента (8). И эта демонстрация не прошла незамеченной. Небрежность и нарочитая «затрапезность» одежды депутатов от кадетов современникам запомнилась надолго (9).

Исключение составил С.А. Муромцев. Уверенный в своем избрании первым думским председателем, он явился во фраке и в белом галстуке (10). М.М. Винавер в своих воспоминаниях мимоходом отметил особенную торжественность внешнего вида своего коллеги по партии в тот памятный день. Полный дресс-код «белый галстук» подразумевал фрак черного цвета, с заостренными шелковыми лацканами, белый пикейный жилет на трех пуговицах, собственно сам белый галстук или пикейную бабочку, белый платочек-пошет в нагрудном кармане (11).

Торжественный наряд С.А. Муромцева, привыкшего все продумывать, не был случайным. Еще осенью 1905 г., когда и выборы в саму Думу еще не были объявлены, Муромцев уже мысленно репетировал будущую роль думского председателя и советовался во время обеда в «Эрмитаже» с Ф.А. Головиным: «Как Вы думаете, как следует председателю закрывать заседание Думы в случае возникновения такого беспорядка, когда слов председателя не будет слышно? Надеть на голову цилиндр — нереально. Мы почти не носим цилиндр. Надеть котелок — смешно. Я думаю, что надо председателю просто сойти с кафедры. Очевидно, без председателя заседания нет». Тогда же Муромцев заговорил и о костюме председателя — о сюртуке более скромном, чем «обыкновенный модный сюртук», который должен был быть достаточно свободным и длинным. Но на первое заседание после своего избрания председателю, по его мнению, надлежало явиться во фраке. Именно Муромцев ввел в обычай думских председателей представляться императору по случаю своего избрания «во фраке и без орденов», дабы «подчеркнуть независимость от Государя» (12). Так одевались на царские аудиенции Ф.А. Головин, Н.А. Хомяков, А.И. Гучков. Последний же думский председатель М.В. Родзянко нередко вне Таврического дворца появлялся в мундире (13).

Всех посетителей Государственной Думы первого созыва поражала оригинальность внешнего вида ее членов. В частности, М. Баринг, английский литературный критик, в начале мая 1906 г. в своем дневнике записал: «Здесь можно увидеть крестьян в длинных черных армяках. Некоторые из них носят военные медали и кресты. Тут встречаются попы, татары, поляки, люди в самой разной одежде, а не только в форменной... Вот взгляд падает на достойных пожилых людей во фраках; вот агрессивные «интеллигенты» демократической внешности с длинными волосами и в пенсне; вот польский епископ в пурпурном одеянии, люди без воротничков, представители пролетариата, мужчины в подпоясанных русских рубашках навыпуск; часть депутатов в костюмах от Дэвиса или Пула, а одежда других сшита словно два века назад» (14).

Но уже в Государственной Думе второго созыва наметилась тенденция к унификации внешнего вида парламентариев. С первых заседаний наблюдателям бросалось в глаза почти полное отсутствие «зипунов», редко можно было

увидеть депутатов в «самотканых» народных костюмах, за исключением представителей окраин Российской империи. Все большее число народных избранников примеряли на свои плечи городской костюм (15).

Указанная тенденция получила дальнейшее развитие в Думе третьего созыва. Показателен «дресс-кодовый» конфуз, случившийся в день открытия заседаний данного созыва. Вопреки «общепринятым обычаям» (выражение депутата четвертого созыва М.М. Новикова) (16), кадеты 1 ноября 1907 г. явились в Таврический дворец во фраках и смокингах. Парадностью своих костюмов они диссонировали с деловым внешним видом большинства думцев. П.Н. Милюков, расстроенный своим нарядом, вынужден был дать швейцару 25 руб., чтобы тот немедленно привез ему из дома его поношенный сюртук (17). После этого эпизода Милюков в Думу одевался предельно просто (все тот же поношенный костюм и целлулоидный воротничок), хотя карикатуристы еще долго изображали лидера кадетской фракции в смокинге.

Весьма ценным свидетельством в этом отношении является воспоминание А.Ф. Редигера о заседании Государственного Совета 9 февраля 1915 г. Утром бывший военный министр, имевший право на ношение генеральского мундира, был специально предупрежден по телефону из Совета, что вечером надо быть, «по обыкновению», в сюртуке, несмотря на то, что ожидался приезд императора (18).

На основе богатого фотоматериала той поры можно выделить два основных типа костюма, носимых тогдашними парламентариями — унаследованный от XIX в. сюртучный и входивший в моду пиджачный. Плотно прилежавший к телу, как правило, наглухо застегнутый двубортный, темного, преимущественно черного цвета, сюртук предполагал сшитые из того же материала жилетку и брюки без лампасов и манжет, крахмальное белье, реже фрачную рубашку, чаще пристяжную манишку. В этой связи весьма выразительной представляется зарисовка В.В. Шульгина по поводу работы Особого совещания по обороне в годы Первой мировой войны с участием членов Государственного Совета и Думы: «Посередине стола сидит военный министр. Он выделяется серебром погон среди черных „сюртучных“ крыльев» (19).

Пиджачный костюм, помимо удлиненного пиджака с прямым силуэтом, состоял из жилета и брюк, как правило, без заутюженной стрелки. Многие столичные парламентарии одевались в костюмы, пошитые за границей, чаще венскими мастерами, их коллеги из провинции прибегали к услугам местных портных, пользовавшихся выкройками из петербургских журналов мод. «Простые» пиджаки носили рабочие депутаты, некоторые из них, согласно распространенной «рабочей» моде, заправляли брюки в высокие хромовые сапоги.

В военные годы ряд депутатов переделался в военную форму. В частности, так поступил В.М. Пуришкевич, руководивший санитарным поездом, который курсировал между фронтовой полосой и Петербургом. В редкие заседания Думы в 1916 г. он являлся обязательно при кортике, за который однажды схватился во время конфликта с бывшим коллегой по фракции правых Н.Е. Марковым (20).

Личный стиль парламентариев проявлялся, прежде всего, в галстуках. Наиболее распространенными фасонами этого элемента костюма были самовязы

и регаты. Укороченные самовязы того времени завязывались широким узлом. Чаще самовязов встречались регаты, галстуки с готовым фабричным узлом и двумя концами, пришитыми друг к другу (21). Думской легендой стали набоковские галстуки. Перводумец В.Д. Набоков каждый день появлялся в новом галстуке, «еще более изысканном, чем галстук предыдущего дня», что вызывало «классовое» раздражение у членов трудовой группы. А.Ф. Аладьин, один из лидеров трудовиков, пытался конкурировать с Набоковым не только в произнесении речей с думской трибуны, вслед за ним он начал часто менять галстуки, но угнаться за стильным кадетом оказался все же не в силах (22).

Среди аксессуаров в костюмах парламентариев чаще всего встречались цветы: «неразлучная белая бумажная гвоздика» в петлице сюртука у думца третьего созыва А.А. Уварова, претендовавшего на английский стиль, что вызывало язвительную иронию у В.М. Пуришкевича («Мнит себя Питтом, Фоксом и Шерида-ном вместе взятыми» (23)), и красные гвоздики в петлицах пиджаков у социал-демократов, которые у них появлялись в дни открытия нового созыва и в заседаниях, приходившихся на 1 мая (24). Тот же Пуришкевич обзывал левых членов Думы «андалузскими тореодорами», намекая на гвоздики в петлицах социал-демократов, а однажды заявился в Таврический дворец с этим аксессуаром в «про-рехе брюк», спровоцировав очередной думский скандал (25). Запомнилась современникам и «браслетка» самого Пуришкевича, которую он носил постоянно (26).

В каждом созыве Государственной Думы были депутаты, отличавшиеся творческим отношением к своему внешнему виду. Среди перводумцев, безусловно, выделялся В.Д. Набоков, который всегда выглядел так, словно только что вышел от портного. Привыкший к удобствам жизни, он даже в тюрьму, куда прибыл для отбывания наказания за подписание Выборгского воззвания, привез резиновый таз, служивший ему для ежедневных обливаний холодной водой (27). «Подчеркнутой фатоватостью своей наружности» отличался Ф.Ф. Кокошкин: «Всегда в застегнутом сюртуке, сшитом в талию, в ботинках самой последней моды и в непомерно высоких крахмальных воротничках» (28). В Думе второго созыва известным франтом слыл ее председатель Ф.А. Головин, щепетильно относившийся к своему внешнему виду, а еще более — своим усам, прославленным П. Трояновским. В его «комиксе» «Бой усов» «усы кольцом» символизировали П.А. Столыпина (кстати, одевавшегося «без щегольства, но изящно» (29)), а «усы торчком» — Ф.А. Головина. На серии картинок художник запечатлел разные моменты этого боя, намекавшие на столкновения правительства с Думой. В третьем и четвертом созывах стильной манерой одеваться и, прежде всего, редкими в те времена костюмами в «клетку», выделялся старший товарищ думского председателя В.М. Волконский (30).

Манера одеваться у публичных политиков следовала основным тенденциям развития мужской городской моды той поры, в том числе стремлению к упрощению официального костюма, замене его пиджачным («домашним», по выражению И.И. Толстого). Пиджак на плечах отечественных парламентариев символизировал, во-первых, западное происхождение самого института парламента, во-вторых, вхождение политики в российскую повседневность начала XX в.

Формирование парламентского дресс-кода, пусть и не обладавшего еще жесткой нормативностью и оставлявшего простор для проявления личного вкуса (31), было связано с растущим осознанием членами законодательных палат своей принадлежности к отдельной профессиональной корпорации. Складывавшаяся в депутатской среде практика обращения друг к другу по фамилии и даже на «ты» свидетельствовала о том же. Подобное обращение в дореволюционной России было распространено между равными по статусу людьми (32). Рубежным в этом отношении стал период деятельности Государственной Думы третьего созыва — 1907—1912 гг. Изменение избирательного закона одновременно с досрочным роспуском Думы второго созыва привело к большей социальной однородности депутатского корпуса, сократилось национальное представительство, меньше в Таврическом дворце можно было встретить крестьян и рабочих. Краткосрочность деятельности первых двух созывов сменилась пятилетием регулярной работы третьего созыва, а соответственно, и длительным пребыванием депутатов в столице Российской империи. С 1908 г. принципиально изменились форма и размер денежного содержания думцев. По инициативе председателя Совета министров П.А. Столыпина им теперь выплачивалось весьма высокое по меркам тогдашней России годовое жалование, позволявшее перейти к новым стандартам потребления, включая обеды в ресторанах тех, кому это раньше было просто не по карману. Так или иначе, но звание «господин депутат» заставляло соответствовать ему хотя бы внешне и рабочему от станка, и крестьянину от сохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Законодательные акты переходного времени (1904—1908). — СПб., 1909. — С. 256.
- (2) *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. — М., 1991. — Т. 1. — С. 73.
- (3) Мемуары графа И.И. Толстого. — М., 2002. — С. 234.
- (4) Цит. по: *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. — СПб., 2001. — С. 240.
- (5) Мемуары графа И.И. Толстого... — С. 203.
- (6) Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. — М., 1997. — С. 28—29.
- (7) ПСЗ. — Т. XXVII. — 1907. — № 28895.
- (8) Ссылаясь на это решение кадетов, А.М. Семенов и предложил исследовательский сюжет — историю пиджака в российской политике. См.: *Семенов А.М.* Вызов публичной политики: конституционно-демократическая партия в I и II Государственных думах // Российский парламентаризм: исторический опыт и современные тенденции развития. — Казань, 2006. — С. 85.
- (9) См., например: *Врангель Н.Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков. — М., 2003. — С. 328; *Извольский А.П.* Воспоминания. — М., 1989. — С. 59—60; *Кони А.Ф.* Открытие I Государственной думы // Кони А.Ф. Собр. соч. — М., 1966. — Т. 2. — С. 355—359; *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. — СПб., 1992. — С. 182; *Огородников Н.* Первый день (27 апреля 1906 г. в воспоминаниях депутата) // К 10-летию I-ой Государственной Думы: Сборник статей перводумцев. — Пг., 1916. — С. 53—55.
- (10) *Винавер М.* Недавнее (Воспоминания и характеристики). — Париж, 1926. — С. 82.
- (11) См.: *Вайнштейн О.* Денди: мода, литература, стиль жизни. — М., 2005. — С. 554.
- (12) РГИА. — Ф. 1625. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 21.
- (13) *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: дневник и воспоминания. — М., 2001. — С. 93.

- (14) Цит. по: *Петибридж Р.* Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905—1918. — М., 2006. — С. 42.
- (15) *Герасимов Л.* В кулуарах второй Государственной Думы // *Современный мир*. — 1907. — № 3. — С. 2—3.
- (16) *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. — Нью-Йорк, 1952. — С. 170.
- (17) *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. — М., 1990. — С. 448.
- (18) *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. — М., 1999. — Т. 2. — С. 413.
- (19) *Шульгин В.В.* Дни. 1920. — М., 1989. — С. 118.
- (20) *Ознобишин А.А.* Воспоминания члена IV-ой Государственной Думы. — Париж, 1927. — С. 214.
- (21) *Ривош Я.Н.* Время и вещи: очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. — М., 1990. — С. 105.
- (22) *Тыркова-Вильямс А.В.* То, чего больше не будет. Воспоминания. — М., 1988. — С. 403—404.
- (23) *Пуришкевич В.* Законодатели (Пьеса в стихах, в двух картинах). — СПб., 1908. — С. 11.
- (24) См., например: *Чащин В.А.* В суровые годы. Воспоминания старого большевика. — Свердловск, 1957. — С. 188.
- (25) *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе... — С. 51.
- (26) *Рейн Г.Е.* Из пережитого. 1907—1918. — Берлин, 1935. — С. 19.
- (27) *Оболенский В.А.* Моя жизнь и мои современники. — Париж, 1988. — С. 363.
- (28) Там же. — С. 367.
- (29) *Шульгин В.В.* Последний очевидец. — М., 2002. — С. 174.
- (30) См.: *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. — Нью-Йорк, 1955. — Кн. 2. — С. 45.
- (31) Так, депутат всех думских созывов К.Л. Бардиж иногда являлся в заседания общего собрания в своем «кавказском костюме». См.: *Новиков М.М.* От Москвы... — С. 178.
- (32) См.: *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. — М., 1999. — С. 33.

DRESS-CODE FOR RUSSIAN PARLIAMENTARIANS OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

I.K. Kiryanov

Faculty of History and Politics
Perm State University
Bukirev Str., 15, Perm, Russia, 614990

The process of democratization of Russian political elite's dress standards taking place in the beginning of the 20th century is examined by the example of the State Duma members. It was a coat that had become one of exterior symbols of public politics instead of a traditional bureaucracy uniform.

Key words: State Duma, State council, political elite, public politician, parliamentary status dress-code, bureaucracy uniform.